

Лиана Голетиани

О развитии юридической лингвистики в России и Украине*

1. Предмет юридической лингвистики

Проблемы, возникающие на стыке языка и права, издавна входили в круг интересов философии, правоведения, логики, филологии, переводоведения стран славянского ареала. Однако в последние пятнадцать лет междисциплинарные исследования славянских лингвокультур на пересечении юриспруденции и языкознания приняли особенно интенсивный и системный характер. Что нашло выражение в появлении солидных монографических трудов и специализированных периодических изданий, в проведении ежегодных конференций.

Сегодня есть все основания говорить о том, что в славянской лингвистике положено начало отдельной отрасли знаний, интегрирующей исследования по самым разным вопросам, общим для языкознания и юриспруденции. В самом общем виде, их можно сгруппировать в следующие тематические сферы:

- судебное речеведение: изучение фонетических, морфосинтаксических, лексических, идиолектических, стилистических и прагматических характеристик речи субъектов коммуникации в судебном разбирательстве; юридически закрепленные правила судоговорения, устная судебная речь как способ смыслопроизводства и производства судебной истины, судебная риторика и аргументация;
- законодательная техника и лингвистические правила составления законодательного документа, воплощение семантических критериев однозначности, ясности и точности в языке закона, проблемы понятности и границы интерпретации нормативного текста;
- письменный юридический перевод и устный перевод для целей судебного разбирательства, включая методы обучения юридическому и судебному переводу, а также профессиональные аспекты деятельности присяжного переводчика в разных системах судопроизводства;

---

* Выражаю искреннюю признательность докт. филол. наук, проф. Ю.Ф. Прадиду и докт. филол. наук, проф. Н.Д. Голеву за предоставленные материалы, во многом облегчившие написание этого обзора.

- история законодательного языка, лингвистические особенности распространения правовых систем и их концептов, развитие и типология юридического дискурса, структура и функционирование правовой коммуникации в разных обществах;
- изучение, в том числе сравнительное, юридических тезаурусов, составление корпусов подязыков права, проблемы создания терминологии в различных областях права, отношение между юридическим концептом и термином, лексикографические разработки;
- прикладные аспекты лингвоюридического знания в суде: лингвокриминалистика, в том числе, проведение фонетической и автороведческой экспертизы в суде, методология лингвистической экспертизы по диффамационным делам, делам об экстремизме и разжигании межнациональной розни, лингвистическая экспертиза текста закона на коррупциогенность, а также использование вербального знака в защите прав интеллектуальной и имущественной собственности;
- официальный статус языков и вопросы лингвистической политики в мультиэтнических государствах, права языковых меньшинств.

Данная весьма гетерогенная область исследований получила общее название 'юридическая лингвистика'¹, которое используется в крайне широком понимании, по аналогии с западно-европейской лингвистикой, (ср. *linguistica giuridica* в итал., *legal linguistics* и *forensic linguistics* в англ., *Rechtslinguistik* в нем., *linguistique juridique* во франц.), где термин вошел в научный обиход уже в семидесятые годы прошлого столетия. В числе первых его употребил Адальберт Подлех уже 1976 году (Podlech 1976). С тех пор рамки этой пограничной дисциплины значительно расширились, как и список языков, на материале которых проводятся эти исследования (ср. Муццинина 2005)².

2. Юридическая лингвистика в славистике: особенности зарождения

За четверть века своего интенсивного развития в западно-европейской науке юридическая лингвистика утвердилась как отрасль знаний, в первую очередь, междисциплинарная, межкультурная, контрастивная и принципиально открытая во многих отношениях (Luttermann 1999: 50).

¹ Кроме термина 'юридическая лингвистика' в литературе широко используются также наименования: юрислингвистика, лингвоюрислика, правовая лингвистика, судебная лингвистика, лингвокриминалистика, судебное речеведение, грамматика права и др.

² Замечу, однако, что и сегодня некоторые авторы ограничивают предмет дисциплины традиционными языковыми уровнями (лексика, синтаксис, семантика). Так, например, Mattila 2006 отказывается относить к юридической лингвистике судебную ретиорику и стилистику.

Именно поэтому несколько запоздалый интерес славистов к этой области исследований, объясняется не в последнюю очередь недавней историей славянских стран, идеологически обусловленной закрытостью как правовых систем этих государств, так и их гуманитарных наук.

Представляется, однако, что некоторое начальное отставание в развитии юридической лингвистики в славистике не только преодолимо и уже успешно преодолевается, но и дает славистам-юрислингвистам некоторое преимущество. Очевидно, что в современных условиях упрощения международных контактов и широкого научного обмена многое из наработанного западной наукой может быть критически использовано и синтезировано с тем, что уже было сделано лингвистами и юристами на материале славянских языков. Это значит, что начальный этап становления и консолидации этой исследовательской области может быть пройден значительно быстрее.

Кроме того, для западно-славянских и южно-славянских стран важным стимулом развития юридической лингвистики является фактор интеграции в Европейский Союз и идущий в нем процесс правовой гармонизации³.

В то время как юрислингвистические исследования в Украине и России, в меньшей степени затронутых этим интеграционным процессом, обнаруживают и некоторые специфические черты, предопределенные, как представляется, социально-историческими особенностями развития права этих стран и его практическими потребностями в лингвистическом знании.

Усилившиеся процессы научной специализации, с одной стороны, и возрастание роли пограничных областей знаний, с другой, стимулируют ученых к метадисциплинарной рефлексии. Согласно van Leeuwen 2005 для междисциплинарных наук возможны три модели становления – плюралистская, централистская и интегралистская. Каждая из них имеет свои достоинства и недостатки.

Предлагаемый ниже обзор имеет целью осветить актуальное положение вещей в юридической лингвистике России и Украины и определить, по возможности, ее тип (типы) развития. Для этого будут кратко представлены исследовательские центры (школы юрислингвистической мысли), в которых достигнуты наиболее существенные результаты, а также указаны те тематические сферы, по которым появились значительные периодические и монографические издания, были организованы научные конференции. Естественно, краткий обзор не мо-

---

³ Заслуживающим внимания примером академической модернизации и обновления парадигмы исследований в польской лингвистике является деятельность лаборатории юридической лингвистики при институте языкознания университета им. Адама Мицкевича в Познани. Вот уже шестой год подряд институт организует международную конференцию, посвященную юридическому и судебному переводу, изучению и сравнению юридических языков и культур, а также выпускает многоязычный журнал *Legilingwistyka porównawcza. Comparative Legilinguistics* (вышло уже 5 номеров журнала). Тема юридического языка Европейского Союза неизменно присутствует в проблематике конференции.

жет претендовать на исчерпывающую и полную информацию обо всех публикациях и специалистах новой дисциплины⁴. Я попытаюсь лишь дать общую панораму и обозначить тенденции и особенности становления дисциплины в обеих странах, а также высказать собственные критические соображения о перспективах развития.

3. Юридическая лингвистика в России

Юридическая лингвистика России не стартовала с нулевой отметки. Среди наук, подготовивших ее быстрое восприятие, в числе первых следует назвать *функциональную стилистику*. Именно в ней, в рамках исследований юридической разновидности официально-делового функционального стиля, уже было поставлено и решено много актуальных задач по изучению процессуального и законодательного текста (см., напр., Зубарев, Статкус, Крысин 1976, Ушаков 1967). И именно функциональная стилистика дала ту серьезную базу в области лексикологии, морфологии, синтаксиса и структуры юридического текста, без которой старт юридической лингвистики не был бы столь мощным.

И сегодня эта отрасль языкознания активно занимается исследованиями юридического текста. Среди последних работ заслуживает внимания исследование Кыркуновой Л.Г., представляющие *Пермскую стилистическую школу* и посвященные логико-смысловому развертыванию делового текста (Кыркунова 2007). Автор рассматривает *предписание* и *констатацию* как центральные функционально-смысловые типы речи юридического текста, в то время как традиционные для русского литературного языка типы речи – *описание*, *повествование* и *рассуждение* – оказываются в этом жанре менее представленными. Выделенные типы речи могут служить “в качестве своеобразного критерия внутрителиевой дифференциации текстов, типологического признака отнесенности текста к определенной зоне поля официально-делового стиля” (Кыркунова 2007). Текст приговора, детально проанализированный в Кыркунова 2004, является согласно автору ядерным жанром процессуальной документации. Этот вывод совпадает с оценкой, которую (на материале немецкого языка) жанру приговора в юридическом дискурсе и его роли в функционировании правовой коммуникации дает Busse 1992. Замечу, что и в итальянской юридической лингвистике имеется подобное исследование структуры текста и организации языковых ресурсов судебного приговора, оно представлено в Ondelli 2006. Интересно, что несмотря на различия теоретической базы и используемой методологии, авторы приходят к сопоставимым результатам.

Положение о том, что *юридический перевод* должен исходить из сравнения правовых систем страны языка-источника и страны языка-цели, уже не подвергается

---

⁴ Библиографию по юридической лингвистике в Украине см. в Прадид 2006, в России – в Голев 2010.

сомнению в переводеведении (Arntz 1995, Veronesi 2000, Pommer 2006). Юрислингвистами, работающими в области пересечения европейских юридических лингвокультур, уже опубликованы сопоставительные исследования по этой проблематике (см., напр., Snel Trampus 1989 для итальянского и голландского языков, Engberg 1997 – для немецкого и датского, Peotta 1998 для – итальянского и немецкого, Scarpa, Riley 2000 для – итальянского и английского). Тогда как изучение жанров русского юридического текста в сопоставлении с другими юридическими лингвокультурами еще не начато. В этой связи упомянутые исследования Кыркунова 2004 и Ondelli 2006 предоставляют ценный материал для дальнейшего контрастивного анализа процессуального текста, крайне необходимый, в свою очередь, для разработок по теории перевода процессуальной документации в паре языков русский-итальянский.

Несколько лучшим образом обстоит дело с контрастивными исследованиями по *юридической терминологии*. Терминоведение, также традиционно сильное направление российского языкознания (Лейчик 2007), постоянно пользовалось вниманием и со стороны лингвистики (Михайловская 1981, Реформатский 1986), и со стороны законодательной техники (Керимов 1962, Савицкий 1987). Но лишь в последние годы появляется ряд фундаментальных работ по юридической терминологии (Пиголкин 1990, Хижняк 1997а, Милославская 2000), в том числе, работы, сопоставляющие правовую терминологию русского языка и некоторых европейских языков (английский язык здесь, как и зачастую, доминирует, см., напр., Хижняк 1997б, Burukina 2000, Гамзатов 2004, Сандалова 2010).

Интенсификация исследования терминосистем отдельных отраслей права обусловлена, прежде всего, социальными изменениями в обществе, появлением новых правовых понятий и отношений, спецификацией российского права, а также актуализацией когнитивного подхода к термину. Исследователи указывают в связи с этим на острую необходимость упорядочивания, унификации и разъяснения правовых терминов, издания справочной литературы. Излишне говорить, что без этого не могут быть созданы ни надежные многоязычные лексикографические источники, ни терминологические базы данных по отдельным отраслям права. Языковая пара итальянский-русский и здесь испытывает острый дефицит.

Если выделять ту часть юридической лингвистики, где достигнуты наиболее значительные результаты, то это, несомненно, *судебная лингвистика*. Основные ее сферы – лингвокриминалистика, лингвистическая экспертиза в суде и судебное речеведение. Необходимо отметить, что не все исследователи определяют одинаково предмет этой сферы. Что подразумевается под судебной лингвистикой зачастую зависит от того, какой аспект языка вовлечен в судопроизводство и от того, для какой фазы судебного процесса, какого конкретного судебного действия понадобилось привлечение лингвистического знания. Остановлюсь на наиболее заметных школах судебной лингвистики в России.

Московская школа лингвокриминалистики (МГУ) занимается криминалистическим исследованием и экспертизой фонограмм устной речи и письменных текстов для потребностей судопроизводства. Представители этой школы, основанной проф. Л.В. Златоустовой, на стыке прикладной лингвистики и криминалистики заложили фундамент фоноскопической экспертизы, которая назначается судом в целях

установления личности говорящего по признакам голоса и речи, записанной на фонограмме, выявления признаков монтажа и иных изменений, привнесенных в фонограмму в процессе или после окончания звукозаписи, определения условий, обстоятельств, средств и материалов звукозаписи, а также иных фактов, имеющих значение судебных доказательств. (Галяшина 2004: 26)

Начиная с 1990-х гг., в связи с распространением цифровых средств фиксации речевой информации и практическими нуждами судопроизводства, это динамически развивающееся направление значительно усилило разработки новых экспертных методик, расширило исследовательскую, учебную и практическую экспертную деятельность. В Галяшина 2003 дается обширное введение в специфику, методологию, понятийный аппарат и перспективы развития этой области.

Сибирская школа юрислингвистики (Кемерово-Барнаул-Новосибирск) отличается, пожалуй, наиболее широким взглядом на предмет юридической лингвистики. Под руководством проф. Н.Д. Голева (Кафедра русского языка КемГУ) сибирские юрислингвисты ведут интенсивную практическую деятельность в области лингвистической экспертизы (СИБАЛЭКС) с последующим теоретическим осмыслением эмпирических данных в разных сферах дисциплины: лингвоконфликтологии (исследования инвективной и манипулятивной функции языка), лингвоэкспертологии (теоретические основания экспертной деятельности и разработка методик исследования различных видов спорных текстов), а также юридической герменевтики (толковании текстов законов), лингвомаркетологии, юридической риторике, правовой лингводидактике и др. (ср. Голев 2010: 4).

Школой ведется активная издательская и научно-организационная работа. В 2010 году вышел уже десятый выпуск межвузовского сборника научных трудов «Юрислингвистика» (Голев 2010) и была организована интернет-конференция по юридической лингвистике *Право как дискурс, текст и слово* (<http://konference.siberia-expert.com>). На страницах ежегодника можно найти работы корифеев дисциплины и исследовательские дебюты. Междисциплинарная направленность и широта исследовательского диапазона сибирской школы выплывает от того, что в числе авторов сборника и докладчиков на конференции – не только лингвисты, но и известные специалисты права (Ромашов Р.А., Губаева Т.В., Александров А.С., Баранов В.М. и др.).

В сфере *лингвоэкспертологии* кроме названных трудов вышло несколько сборников, имеющих важное методологическое значение, (см., напр., Горбаневский

2002, Бельчиков и др. 2005), а также монография Баранов 2007. В последней автор представил и обобщил собственный опыт в проведении лингвистической экспертизы по делам о таких языковых действиях как *клевета, оскорбление, возбуждение национальной или религиозной вражды, призывы к экстремистической деятельности*, составляющих согласно законодательству РФ противоправные действия. Все эти виды экспертизы оказались востребованы российским судопроизводством в 90-х гг., когда оно столкнулось с массой исков к СМИ о защите чести, достоинства и деловой репутации и стало регулярно прибегать к услугам экспертов-лингвистов. На конкретных примерах автор показывает, какие отрасли языкознания вовлечены в проведение наиболее частых видов лингвистической экспертизы:

В экспертизах такого рода может использоваться и морфологический анализ (например, при исследовании сходства и различий товарных знаков), и синтаксический анализ (например, для определения синтаксической сложности текстов при установлении авторства), и семантический анализ (например, семантическое исследование инвектив в экспертизах по делам о защите чести и достоинства), и анализ текста (например, в экспертизах по определению семантического подобия текстов), и лингвостатистический анализ (например, в экспертизах по установлению авторства) (там же, 4).

В то время как достижения лингвистической семантики, прагматики и теории текста успешно используются там, где юриспруденция не дает определения понятий, широко используемых тем не менее в языке права (там же, 17).

В обсуждении некоторых экспертиз аргументация автора может показаться спорной⁵, но и в этом заключается ценность фундаментальных работ: стимулировать широкое научное сообщество к дискуссии по теоретическим основам новой области. Создать общую, разделяемую всеми экспертами теоретическую базу лингвистической экспертизы текста в суде – задача не одного десятилетия, но результат таких усилий увеличил бы доверие к экспертизе и у суда, и у общественного мнения.

Одна их вечных бед российского суда – коррупция – поставила перед лингвоэкспертологией еще одну проблему. Возникла необходимость разработать научно обоснованную методику по проведению экспертизы текста закона на

---

⁵ Так, довод о том, что терминологическое значение лексемы ‘обыск’ в ситуации обыденной коммуникации может нейтрализоваться вряд ли релевантен в анализируемой интеракции: употребляет этот термин юрист-профессионал, имеющий профессиональные интересы в данном акте публичной коммуникации. Фактор коммуникативной (терминологической) компетенции говорящего и фактор его вероятной интенции при даче интервью играют здесь более важную роль. Более того, в выборе говорящего можно усмотреть манипуляцию, ведь из двух двух лексем – ‘обыск’ и ‘досмотр’ он предпочел ту, которая при актуализации терминологического значения имела для истца более негативный в юридическом отношении смысл (ср. Баранов 2007: 497).

коррупциогенность. Ответ на этот вызов российская юридическая лингвистика еще не дала. Тем любопытнее рефлексия нелингвиста (Брылев 2009), свидетельствующая об общественной остроте проблемы. Ее решение потребует совместного анализа тех законов, по которым самими юристами уже выявлены случаи коррупции. Эта проблема связана с разработкой языковых правил формулировки норм (критерии ясности, точности, однозначности и т.д.), которые юристы традиционно относят к *законодательной технике* (Керимов 1962, Пиголкин 1990). Важность более глубокого лингвистического изучения этого аспекта правотворчества сегодня осознается все большим числом юристов (см., напр., Чигидин 2002, Крюкова 2003, Царев 2002, Луковская 2005). Наиболее системные исследования по законодательной технике ведутся в Нижегородском исследовательском научно-прикладном центре *Юридическая техника* под руководством проф. В.М. Баранова (см. Баранов 2000). Центр публикует одноименный журнал и регулярно организывает международные научно-практические конференции (подробнее см. на сайте центра www.jurtech.ru).

Среди российских юристов, осознавших невозможность дальнейшего совершенствования судопроизводства вне учета лингвистической природы всего его процесса, выделяется позиция проф. А.С. Александрова (*Нижегородская правовая академия*). Свое видение судебной лингвистики ученый предлагает, отталкиваясь от работ классика русской юриспруденции А. Петражицкого.

В программной статье *Что такое 'судебная лингвистика' и каково ее отношение к научной догме уголовного процесса* (Александров 2005) автор дает острую критическую оценку современного состояния российского правосудия:

Надо прямо признать, что мы отстали, оторвались от современного европейского гуманитарного знания. Нашей науке нужна модернизация во всех отношениях. [...] мир стал открытым, нельзя делать науку по-советски, опираясь только на собственные силы, и с порога отметать или просто игнорировать то, что расходится с нашими привычными представлениями. Необходимо осваивать чужой опыт, постоянно искать новые пути и делать что-то свое. (Александров 2005: 73)

Образцом обновления правовой идеологии по мнению автора может служить реформа уголовного процесса. Анализируя новеллы УПК РФ, регулирующие судоговорение, ученый приходит к выводу:

Пожалуй, впервые в истории русского процессуального доказательства судебная речь стала не приложением к письменным материалам уголовного дела, собранным органами предварительного расследования, а получила ту роль и значение, которую должен иметь этот вид публичной речи в демократическом государстве. (Александров 2003: 271)

Несколько удивляет, что цитируемый труд, намечающий инновативный для российского права подход к судебной речи, до сих пор не нашел должного обсуждения в академическом сообществе. Концепция развития судебной лингвистики проф. Александрова выходит далеко за рамки решения прикладных задач и требует пересмотра мировоззренческих основ всей системы российского права:

Наука об уголовном судопроизводстве, не ограничиваясь, как сейчас, объектом своего изучения текстом закона и его толкованием, должна расширить базу своего изучения, приступив к исследованию таких явлений, как речь, язык, текст, аргументация, психология речевой коммуникации. Я вижу судебную лингвистику как цельную систему взглядов на сущность уголовного процесса и его назначение в обществе, на уголовно-процессуальное право, правила доказывания. В общем, хотелось бы объяснить все уголовно-процессуальные (и одновременно, психо-лингвистические) явления на новый лад; осмыслить природу уголовного процесса, права, доказательств в языковом аспекте. (Александров 2003: 74)

Выступая за разработку междисциплинарного научного учения о судопроизводстве, Александров формулирует ряд задач, для решения которых российской юрислингвистике потребуются проявить определенное научное мужество. В их круг входят:

- выработка принципиально нового понимания судопроизводства, его сущности и назначения в обществе;
- обновление самой теории доказательств, основанной на теории аргументации и риторики;
- разработка концепции судебной истины и определение ее стандартов;
- апологетика системы постулатов идеологии состязательного судоговорения, как персуазивной речевой практики;
- прагматическая критика софистической этики состязательного судоговорения;
- разработка теоретических основ формы и классификации вопросов, подлежащих применению для повышения эффективности судебного допроса, прежде всего, проблема наводящих вопросов, как способа контроля показаний допрашиваемого;
- изучение и обобщение техник производства отдельных судебных действий, в первую очередь, перекрестного допроса (ср. там же).

Очевидно, что продвижение к поставленным целям невозможно без привлечения теории диалога и категорий прагмалингвистики, активно используемых российскими юрислингвистами пока только в лингвоэкспертологии (в диффамационных делах и под.).

Между тем в русистике уже есть опыт междисциплинарного изучения судебного говорения. Проблема 'речевой' власти субъектов тоталитарного судопроизводства в рамках анализа интеракции и теории речевых актов исследовалась на материале сталинских показательных процессов в Freidhof 1995 и Freidhof 1996. Эти исследования (одни из первых по судебной лингвистике в славистике) также остались пока без внимания российской юрислингвистики. История славянских стран прошлого века изобилует примерами показательных процессов, и неудивительно, что сам термин 'показательный процесс', обладающий сложным коннотативным, ассоциативным и манипулятивным потенциалом, прочно вошел в их политический дискурс. В последние годы слово все чаще используется в восточно-славянских массмедиаальных дискурсах в связи с политическими событиями (см. речь политиков и язык СМИ в материалах о процессах над Андреем Санниковым и Андреем Почобутом в Беларуси, над Юлией Тимошенко в Украине, над Михаилом Ходорковским и Платоном Лебедевым в России). Поэтому изучение речевой стороны показательного процесса, определение его лингвистических квалифицирующих признаков в современных условиях также входит в список актуальных задач судебной лингвистики.

Наконец, вплотную к предмету юридической лингвистики примыкает *лингвокультурологический анализ* ключевых слов русской 'правовой' картины мира, таких как: *справедливость, правда, истина* и под. В ряде работ (см., прежде всего, сборник Арутюнова, Рябцева и др. 1995; Зализняк, Левонтина, Шмелев 2002; Плотнокова 2010) на разных материалах показана специфика функционирования этих концептов в русской лингвокультуре, их отношение к универсальным юридическим ценностям. Исследования такого рода важны и для понимания того, что обосновано, а что мифологизировано в современной дискуссии о правовой ментальности русских, а также для рефлексии о том, не является ли так называемый вековой правовой нигилизм всего лишь следствием разочарования в системе правосудия, отражением той пропасти, которая выросла за столетия противоречий между справедливостью и законностью. Приведу в этой связи фрагмент анализа концепта *справедливость* из Зализняк, Левонтина, Шмелев 2002:

Противопоставление *справедливости* и *законности*, которое на многих языках и выразить невозможно, для русского языка и самоочевидно, и необычайно существенно. Обычно же в случае противоречия между законом и справедливостью в русской культуре непосредственное чувство на стороне справедливости. Одна из особенностей русской культуры состоит в том, что в ней справедливость относится к сфере эмоционального: в русском языке есть *чувство справедливости*.

Вместе с тем, *справедливость* для русской языковой картины мира – отнюдь не высшая ценность: "гораздо выше *справедливости* доброта и милосердие" (там же). И в этом тоже, видимо, следует искать причины неравномерного развития дискурса о справедливости в истории русской мысли:

Отчетливой темой обсуждения и рефлексии “справедливость” становится лишь в эпоху Великих реформ в контексте модернизации судебной системы и формирования самостоятельного философско-правового дискурса в России. (Плотникова 2010: 7)

Сфера лингвокультурологии пересекается здесь с историей славянских языков, ведь “сам вопрос о путях вхождения слова *справедливость* в лексику русского языка остается открытым” (ср. Плотникова 2010: 19). Автор “склонна предположить, что здесь имеет место заимствование из Чехии или Польши, возможно, пришедшие [...] через Юго-Западную Русь в XVI в.” (там же). В западно-славянские лингвокультуры слово, по версии автора, было введено польскими или чешскими гуманистами в начале XVI в. как эквивалент слова *justitia* (там же). Конечно, прояснение данной проблемы важно не только само по себе, но и в свете многочисленных вопросов о распространении отдельных правовых концептов и их систем, об истории юридических культур. Чтобы глубже судить об этих вопросах, нужны как дальнейшие компаративные диахронические исследования в рамках всего славянского ареала, так и изучение региональных источников юридического текста (примером такого исследования можно считать работу Трофимова 2002).

Довольно обособленную сферу юридической лингвистики составляет изучение *языковых прав* в многонациональных государствах. После распада Советского Союза обострилась дискуссия о языковых правах и лингвистической политике в Российской Федерации и ее субъектах (см. обсуждение и библиографию в Бенедиктов 2003 и Дьячков 1996). Кроме проблем юридического порядка (о статусе языков на территории РФ, о правовом регулировании их использования в разных сферах общения), особую актуальность приобрела и проблема юридического vs. лингвистического прояснения понятий ‘государственный язык’, ‘официальный язык’, ‘титულный язык’ (Пиголкин 1992, Трушкова 1994). Показательно, что в поисках ответов на сложные (особенно для некоторых регионов России) вопросы языковой политики российская юридическая лингвистика обращается к опыту других многонациональных государств, в том числе, славянского ареала (Катунин 2008, Катунин 2010).

4. Юридическая лингвистика в Украине

С середины 90-х гг. украинские лингвисты также начинают проявлять активный интерес к юрислингвистической проблематике. Сначала в периодических изданиях появляются отдельные статьи по правовым проблемам языка и языковым проблемам права. Чуть позже публикуются монографии, фундаментальные диссертационные исследования, во многих университетских центрах страны организуются конференции по этой проблематике. Конечно, по объему опубликованного и количеству занятых в области специалистов украинская юридическая

ская лингвистика не может сравниться в российской. Важно, однако, не столько вполне пропорциональное количественное отличие, сколько заметные различия в исследовательской парадигме. Посмотрим, какие тематические сферы доминируют в исследованиях украинских юристлингвистов.

Как и в России часть украинских лингвистов в своих исследованиях использует теоретические основы и категориальный аппарат стилистики (см., напр., Дадерко 2000, Демченко 2011). Традиции школы законодательной техники прослеживаются в Кравченко 1998 и Кравченко 2000.

Все больше исследователей обращается к вопросам украинской *юридической терминологии* и *лексикографии*, испытывающих во многом те же проблемы, что и все украинское терминоведение (Радецька 2009а). На тесную взаимозависимость в развитии терминоведения и переводоведения указывается в Шаблій 2009. Необходимые для развития юридического переводоведения контрастивные исследования предприняты в Орлова 2006, Радецька 2009б.

Важно подчеркнуть, что юридическое терминоведение Украины развивается как в синхроническом (Марчук 2003, Тростюк 2003, Артикуца 2004, Костенко 2006, Толста 2006, Радецька 2002), так и в диахроническом плане (Стецюк 1999, Вербенец 2004). Вообще, изучение языка права в историческом аспекте осознается как весьма важная, но мало разработанная область (ср., Прадід 2006: 181). Первые шаги в этом направлении делаются в работах Копиленко 1998, Прадід 2002, Демченко 2003. Обращение к истории представляется вполне естественным для гуманитарной науки недавно восстановившего свою независимость государства, так как служит осознанию специфики собственной юридической традиции и вписывается в общий поиск культурного самоопределения. Приведу в связи с этим свидетельство проф. Огієнко, высказанное в далеком 1923 г (Огієнко 1992), цитируемое в Прадід 2006:

сотні тисяч актів по архівах у Варшаві, Львові, Вільні та Києві виразно свідчать про оригінальність нашого права, а також і про те, що за старі вікі суд був у нас свого рідною мовою (там же: 181).

Сегодня состояние украинского юридического языка, 70 лет функционировавшего в рамках советской правовой системы, естественно, изменилось. Констатируя существование трех векторов влияния (юридические лингвокультуры России, Польши и Австро-Венгрии) в истории украинского юридического языка, а также необходимость ориентации на право Европейского Союза, украинские лингвисты, пожалуй, едины относительно того, по какому пути идти в создании украинской юридической терминологии:

Органічний розвиток української правничої науки можливий лише за умов формування концептуально незалежної національної правової думки, що методологічно враховуватиме всі три вектори впливу на українську юридичну дум-

ку, але не спатиметься самодостатньою, відносно замкненою системою. Для її утвердження важливою є *дискусія про створення нової та перегляд існуючої правничої термінології*. (Андрійчук 2006: 6, выделено мной – ЛГ)

Наряду с традиционными в последние годы разрабатываются и такие относительно новые для парадигмы украинского языкознания подходы как *дискурсивный анализ и когнитивистика* (Кравченко 2007, Савчук 2009). Крайне важно, чтобы при разработке инновативных тем исследователи не отказывались от конституирующего для предмета юрислингвистики (и традиционно важного для славистики) компаративного аспекта. С этой точки зрения особенно актуальными представляются исследования, усиливающие взаимосвязь юрислингвистического знания внутри славянского ареала, напр., такие диссертационные работы как Вербенец 2004 (о становлении укр. юридической терминосистемы в сопоставлении с польской) или как готовящаяся Скорофатовой А.О. (Кафедра юридичної лінгвістики та документознавства *Луганського державного університету внутр. справ*) докторская диссертация “Динаміка правового, правничого квазіправового дискурсів в Україні та Польщі”, а также лексикографические разработки (см., напр., на украинско-русском материале Васильева, Гришин 2001). В этом аспекте существуют и примеры встречного движения, когда украинисты других славянских стран обращаются к изучению украинского юридического языка (Gazdošová, Myronova 2009, *Ústav slavistiky FF Masarykovy univerzity Brno*). Это вселяет надежду (пока, правда, очень робкую) на выход украинистики из периферийной зоны интересов европейской славистики.

С другой стороны, такая сфера как *лингвоэкспертология* в Украине представлена в гораздо меньшей степени, чем в России (среди немногих публикаций см., напр, Литвин 2001). Думается, причины такого расхождения исследовательских интересов следует искать в различиях законодательств двух стран. 3 апреля 2003 года Верховная Рада приняла Закон Украины “О внесении изменений в некоторые законодательные акты Украины по вопросам обеспечения и беспрепятственной реализации права человека на свободу слова”. По оценкам специалистов, принятие этого закона сразу же дало положительные результаты. Отсутствие обширной судебной практики по диффамационным делам, естественно, позволяет украинским юрислингвистам переключиться на решение других прикладных задач, например, на область фонетической судебной лингвистики, где существует острая необходимость создания собственной научно-технической базы (Савчук 2009).

Неизбежной для страны была общественно-политическая и научная дискуссия о правовом статусе языков (украинского, русского, но также и миноритарных) в новом законодательстве Украины. И здесь юридическая лингвистика имеет особую функцию. Будучи обязана следовать единственно возможному для каждой истинной (т.е. ведущей наднациональный дискурс) науки принцип – последовательно и терпеливо вести открытое, глубоко аргументированное обсуждение,

она может и должна внести свой вклад в решение проблем без излишней политизации. А проблем в области регламентирования функционирования языков в разных сферах и сегодня остается немало, и украинские юрислингвисты, приступили к их изучению (Леоненко 1999, Антонович 1999, Прадід 2002).

Юридическое сообщество Украины также осознало важность лингвистического знания для юриспруденции. В юридических вузах страны регулярно организуются научные конференции, на которых обсуждаются методы лингвистической подготовки юристов, проблемы функционирования государственного языка, вопросы создания украинской юридической терминологии и юридического перевода. В 2010 г. *Донецкий юридический институт* организовал уже десятую конференцию “Проблеми культури професійної мови фахівця: теорія та практика”. Этой проблематике уделяют должное внимание юридические институты и других регионов: *Луганський державний університет внутрішніх справ, Львівський державний університет внутрішніх справ, Херсонський юридичний інститут Харківського національного університету внутрішніх справ, Прикарпатський юридичний інститут Львівського державного університету внутрішніх справ*.

Вообще, юридическая лингвистика Украины с самого начала развивается, с одной стороны плюралистично, с другой стороны, не без определенной доли консолидирующей авторефлексии, крайне необходимой для выбора оптимального пути становления. В этом отношении особенно выделяется активная позиция проф. Прадида Ю.Ф. (*Кафедра українського мовознавства Таврійського національного університету ім. В.І.Вернадського*). Уже в Прадид 2001 размышления автора над будущим юридической лингвистики как отдельной науки и учебной дисциплины принимают вид программы, в которой четко расставлены приоритеты:

Серед найважливіших завдань юридичної лінгвістики, думаємо, слід назвати такі: 1) опрацювання теоретичних і методологічних засад юридичної лінгвістики як окремої галузі науки; 2) адаптування і трансформування для юридичної лінгвістики методики й методів, розроблених іншими юридичними та лінгвістичними науками; 3) вивчення правових питань мови в історичному аспекті; 4) забезпечення юридичної практики спеціальними лінгвістичними знаннями; 5) розробку лінгвістичних засад проведення фоноскопичних досліджень; 6) забезпечення проведення лінгвістичної експертизи проектів законів, указів, постанов тощо; 7) унормування термінології мови юридичної науки; 8) підвищення культури мовлення працівників правничих інституцій та ін. (Прадід 2001: 252)

Десять лет, прошедших после постановки этих задач, показали, что в своем стратегическом планировании автор не ошибался. Более того, несмотря на то, что это был период бурных, подчас тяжелых и противоречивых, политических перемен (или благодаря этому?), языкознание и право Украины смогли позволить себе ‘роскошь’ приступить к модернизации исследовательской парадигмы.

Заключение

За 15 лет интенсивных исследований по разным проблемам пересечения предметов языка и права восточно-славянская юридическая лингвистика доказала свое право на существование среди междисциплинарных наук. Но дисциплина все еще в начале пути. В ее 'молодости' есть несколько преимуществ. Самое главное, как представляется, состоит в том, что у нее еще есть возможность выбора, по какой модели интердисциплинарности ей развиваться. На сегодня тематические сферы юридической лингвистики развиваются достаточно обособленно, что обусловлено различиями предметов изучения, диктующих выбор определенного подхода. Дифференциация исследований неизбежна, с одной стороны, из-за множества уровней в языковой и речевой системе, с другой стороны, из-за увеличивающейся спецификации права и усложнения его системы.

Неизбежная обособленность предметно-тематических сфер не должна препятствовать, однако, более сильной интеграции разных научных школ, действующих в рамках одной тематической сферы. Внутри тематических сфер заметны элементы различных моделей интердисциплинарности. Так, законодательная техника обеих стран и функциональная стилистика судебной документации представляются более централистскими, лингвэспертология же, скорее, развивается по плюралистской модели, в то время интегралистская тенденция просматривается в концепции развития судебного разбирательства, предложенной проф. Александровым, и, отчасти, в лингвокриминалистике московской школы.

Нужен не просто учет 'чужих' результатов, а более интенсивная дискуссия между разными школами, согласование дефиниций основных понятий, договоренность по стратегическим задачам дисциплины, более активное и критическое восприятие опыта западной юридической лингвистики. Последнее касается, прежде всего, юридического переводоведения, дискурсивного анализа, прагмалингвистики и анализа текста.

И в России, и в Украине крайне необходимо подключение специалистов корпусной лингвистики, с помощью которых должны быть созданы доступные, надежные и обширные базы данных. Речь идет, в первую очередь, о терминологических тезаурусах и корпусах текстов различных жанров юридического дискурса.

Вряд ли целесообразно устанавливать каноны равновесия в парадигме исследований. И все же заметный перевес в сторону некоторых тематических сфер (напр., лингвэспертологии в России, или методологии лингвистической подготовки юристов в Украине) свидетельствуют, скорее, о вторичной роли лингвистики. Будучи, в том числе, прикладной дисциплиной, юридическая лингвистика, безусловно, обязана удовлетворять запросы государства (законодательства и судопроизводства), но не должна ограничиваться сиюминутной 'сервильной' функцией. В центре внимания должны оставаться фундаментальные синхронические

и диахронические исследования юридического дискурса Восточной Европы во всех его проявлениях. С другой стороны, в интересах интердисциплинарности, юрислингвистика не должна рассматривать закон и суд только как источники материалов для исследования.

Необходимость синтеза и интеграции получаемых данных обусловлена основной социальной функцией юридического дискурса. Постсоветским обществам обоих государств, реформирующих собственные правовые системы и очищающим свой юридический дискурс от наслоений недавнего тоталитарного прошлого, нужен более совершенный закон и более успешная система правовой коммуникации, а такими они могут стать только благодаря эксплицитному знанию о многообразном взаимодействии двух социальных феноменов – языка и права. Благодаря лингвистам суд может стать более справедливым, а закон – более понятным, менее коррупциогенным, а также более внимательным к языковому богатству славян.

Бібліографія

- Артикуца 2004: Н.В. Артикуца, *Мова права і юридична термінологія*, Київ 2004.
- Арутюнова, Рябцева 1995: Н.Д. Арутюнова, Н.К. Рябцева (отв. ред.), *Логический анализ языка: Истина и истинность в культуре и языке*, Москва 1995.
- Александров 2003: А.С. Александров. *Введение в судебную лингвистику*, Нижний Новгород 2003.
- Александров 2005: А.С. Александров, *Что такое “судебная лингвистика” и каково ее отношение к научной догме уголовного процесса, Школы и направления уголовно-процессуальной науки. Доклады и сообщения на учредительной конференции Международной ассоциации содействия правосудию*, СПб. 2005, с. 72-81 <<http://iuaj.net/lib/konf-MASP/aleksandrov.htm>>.
- Андрійчук 2006: О. Андрійчук, *Українська юридична термінологія*, “Юридична газета”, 2006, 8 (68), с. 6-10.
- Антонович 1999: М. Антонович, *Законодавство України та зарубіжних країн щодо статусу державної мови (порівняльний аспект)*, “Право України”, 1999, 6, с. 73-83.
- Баранов 2000: В.М. Баранов (под ред.), *Проблемы юридической техники*, Нижний Новгород 2000.
- Баранов 2007: А.Н. Баранов, *Лингвистическая экспертиза текста. Теоретические основания и практика*, Москва 2007.
- Бельчиков и др. 2005: Ю.А. Бельчиков, Е.И. Галяшина, М.В. Горбаневский (под ред.), *Спорные тексты СМИ и судебные иски*, Москва 2005.
- Бенедиктов 2003: Н.А. Бенедиктов, *О правовых основах государственной языковой политики*, 2003 <www.gramota.ru/biblio/magazines/mrs/28_492>.

- Брылев 2009: Н. Брылев, *Экспертиза на коррупциогенность антикоррупционного законодательства*, 2009 <www.nbrilev.ru/metodika_expertiza_korrupciya.htm>.
- Васильева, Гришин 2001: Г.Й. Васильева, Ю.О. Гришин, *Досудове слідство: Російсько-український та українсько-російський словник-довідник мовних стандартів*, Луганськ 2001.
- Вербенец 2004: М.Б. Вербенец, *Юридична термінологія української мови: історія становлення і функціонування*, дис. канд. філол. наук, Київ 2004.
- Галяшнина 2003: Е.И. Галяшнина, *Основы судебного речеведения*, Москва 2003.
- Галяшнина 2004: Е.И. Галяшнина, *Роль и значение деятельности профессора А.В. Златоустовой в становлении и развитии лингвокриминалистики и судебного речеведения*, в: *Язык и речь: проблемы и решения: Сборник научных трудов к юбилею профессора А.В. Златоустовой*, Москва 2004, с. 26-40.
- Гамзатов 2004: М.Г. Гамзатов, *Техника и специфика юридического перевода*, СПб. 2004.
- Голев 2010: Н.Д. Голев (под ред.), *Юрислингвистика 10. Лингвоконфликтология и юриспруденция*, Барнаул 2010.
- Горбаневский 2002: М.В. Горбаневский (под ред.), *Цена слова: Из практики лингвистических экспертиз текстов СМИ в судебных процессах по искам о защите чести, достоинства и деловой репутации*, Москва 2002.
- Дадерко 2000: Л. Дадерко, *Культура і стиль обвинувальної промови прокурора*, "Право України", 2000, 11, с. 134-138.
- Демченко 2003: В.М. Демченко, *Органічна та неорганічна українська мова*, Херсон 2003.
- Демченко 2011: В.М. Демченко, *Неорганічні особливості юридичного мовного стилю: лексичний рівень*, "Юридичний вісник Причорномор'я", 2011, 1 (1), с. 201-216.
- Дьячков 1996: М.В. Дьячков, *Миноритарные языки в полиэтнических (многонациональных) государствах*, Москва 1996.
- Зализняк и др. 2002: А. Зализняк, И. Левонтина, А. Шмелев, *Ключевые идеи русской языковой картины мира*, "Отечественные записки", 2002, 3 (4) <www.strana-oz.ru/?ozid=4&oznumber=3>.
- Зубарев и др. 1976: В.С. Зубарев, В.Ф. Статкус, А.П. Крысин, *Язык и стиль обвинительного заключения*, Москва 1976.
- Катунин 2008: Д.А. Катунин, *Статус языков в современном Сербском законодательстве как реализация языковой политики государства*, "Вестник Томского государственного университета", 2008, 2 (13), с. 140-153 <<http://sun.tsu.ru/mminfo/000063105/phil/03/03.html>>.

- Катунин 2010: Д.А. Катунин, *Современное языковое законодательство Хорватии: становление и тенденции*, “Вестник Томского государственного университета”, 2010, 2 (10), с. 18-44 <<http://sun.tsu.ru/mminfo/000063105/fil/10/10.html>>.
- Керимов 1962: Д.А. Керимов, *Кодификация и законодательная техника*, Ленинград 1962.
- Кравченко 1998: С. Кравченко, *Про стиль законодавства*, “Право України”, 1998, 3, с. 62-92.
- Кравченко 2000: С.П. Кравченко, *Мова як фактор правоутворення та законотворення*. Дис. канд. юрид. наук, Одеса 2000.
- Кравченко 2007: Н.К. Кравченко, *Міжнародно-правовий дискурс: когнітивно-комунікативний аспект*, дис. докт. філол. наук, Київ 2007.
- Крюкова 2003: Е.А. Крюкова, *Язык и стиль законодательных актов*. Дис. канд. юрид. наук, Москва 2003.
- Копиленко 1998: О. Копиленко, *Мовні проблеми в українській політичній думці та законодавстві 1917-1920 рр.*, “Право України”, 1998, 9, с. 44-48.
- Костенко 2006: Л. Костенко, *Мовні аспекти юриспруденції*, “Юридичний журнал”, 2006, 2 <<http://justinian.com.ua/article.php?id=2152>>.
- Кыркунова 2004: Л.Г. Кыркунова, *Функционально-смысловые типы речи в аспекте внутрителивой дифференциации следственно-судебных текстов*, в: *Стереотипность и творчество в тексте. Межвузовский сборник научных трудов*, VII, Пермь 2004, с. 146-156.
- Кыркунова 2007: Л.Г. Кыркунова, *Официально-деловые тексты в аспекте функционально-смысловых типов речи*, автореферат дисс. канд. фил. наук, Пермь 2007 <www.dissercat.com/content/ofitsialno-delovye-teksty-v-aspekte-funktsionalno-smyslovykh-tipov-rechi>.
- Лейчик 2007: В.М. Лейчик, *Терминоведение: предмет, методы, структура*, Москва 2007.
- Леоненко 1999: М. Леоненко, *Правові питання визначення принципу національної мови в кримінальному судочинстві*, “Право України”, 1999, 4, с. 66-67.
- Литвин 2001: Т. Литвин, *Можливості судово-лінгвістичної експертизи на початку XXI ст.*, “Право України”, 2001, 1, с. 110-113.
- Луковская 2005: С.В. Луковская (под общ. ред.), *Юридическая техника: Вопросы теории и истории: Материалы межвузовской научно-теоретической конференции*, СПб. 2005.
- Марчук 2003: В.П. Марчук (под ред.), *Словничок юридичних термінів*, Київ 2003.
- Милославская 2000: Д.И. Милославская, *Системное описание юридической терминологии в современном русском языке*, дис. канд. фил. наук. Москва 2000.

- Михайловская 1981: Н.Г. Михайловская, *О формировании и функционировании юридической лексики*. в: *Терминология и культура речи*, Москва 1981, с. 110-123.
- Муццинина 2005: М.М. Муццинина, *О правовой лингвистике в Германии*, в: *Юрлингвистика, V. Юридические аспекты языка и лингвистические аспекты права*, Барнаул 2005, с. 18-30.
- Огієнко 1992: І. Огієнко, *Українська культура: коротка історія культурного життя українського народу*, Київ 1992.
- Орлова 2006: І.С. Орлова, *Лексико-граматичні трансформації у перекладі міжнародно-правових документів (на матеріалі двосторонніх іспансько-українських міждержавних угод)*, дис. канд. філол. наук, Київ 2006.
- Пиголкин 1990: А.С. Пиголкин, *Язык закона*, Москва 1990.
- Пиголкин 1992: А.С. Пиголкин, *Законодательство о языках Российской Федерации: опыт, проблема развития*. В: *Языковая ситуация в Российской Федерации*, Москва 1992, с. 22-23.
- Плотникова 2010: Н.С. Плотникова (под ред.), *“Правда”. Дискурсы справедливости в русской интеллектуальной истории*, Москва 2010 (= Библиотека Института “Справедливый Мир”, 21) <www.spravmir2.x12.su/images/stories/library/21_pravda.pdf>.
- Прадід 2001: Ю.Ф. Прадід, *Юридична лінгвістика як окрема галузь знань*, “Вісник Луганського інституту внутрішніх справ”, 2001, 3, с. 246-255.
- Прадід 2002: Ю.Ф. Прадід, *Мовні проблеми в українських Конституціях*, “Вісник Львівського університету”, 2002, 37, с. 201-206.
- Прадід 2006: Ю.Ф. Прадід, *У царині лінгвістики і права*, Сімферополь 2006.
- Радецька 2002: В.Я. Радецька, *Мова науки криміналістики*, дис. канд. юрид. наук, Київ 2002.
- Радецька 2009а: С.В. Радецька, *Історія розвитку українського термінознавства (основні етапи становлення)*, в: О.І. Черданченко (под ред.), *Мовні і концептуальні картини світу*, Київ 2009, с. 24-28.
- Радецька 2009б: С.В. Радецька, *Юридична термінологія, труднощі та особливості її перекладу в текстах із різних галузей правознавства*, “Наукові записки НДУ ім. М. Гоголя. Філологічні науки”, 2009, с. 66-69.
- Реформатский 1986: А.А. Реформатский, *Мысли о терминологии*, в: *Современные проблемы русской терминологии*, Москва 1986, с. 163-198.
- Савицкий 1987: В.М. Савицкий, *Язык процессуального закона (Вопросы терминологии)*, Москва 1987.
- Савчук 2009: Г.В. Савчук, *Інтонаційна організація судового дискурсу (експериментально-фонетичне дослідження)*, дис. канд. наук, Київ 2009.

- Сандалова 2010: Н.В. Сандалова, *Норма и вариативность в юридической терминологии*, "Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология", 2010, 2 (8), с. 42-47.
- Стецюк 1999: Б.Р. Стецюк, *Юридична лексика кримінально-процесуального права Гетьманщини*, дис. канд. філол. наук, Запоріжжя 1999.
- Толста 2006: С.А. Толста, *Правнича термінологія в законодавчих актах України*, дис. канд. філол. наук, Київ 2006.
- Трофимова 2002: О.В. Трофимова, *Жанрообразующие особенности русских документов XVIII в.: на материале тюменской деловой письменности 1762-1796 гг.*, дис. докт. филол. наук, Тюмень 2002.
- Трушкова 1994: Ю.В. Трушкова, *Проблемы описания современной социолингвистической терминологии (термин "государственный язык")*, в *Проблемы языковой жизни Российской Федерации и зарубежных стран*, Москва 1994.
- Ушаков 1967: А.А. Ушаков, *Очерки советской законодательной стилистики*, Пермь 1967.
- Хижняк 1997а: С.П. Хижняк, *Юридическая терминология: Формирование и состав*, Саратов 1997.
- Хижняк 1997б: С.П. Хижняк, *Англо-американская и русская терминология права: Социолингвистический аспект возникновения и развития (учебное пособие)*, Саратов 1997.
- Царев 2002: А.Ю. Царев, *О правилах законодательной техники, используемых при написании текста закона*, "Представительная власть", 2002, 5-6, с. 29-33.
- Чигидин 2002: Б.В. Чигидин, *Юридическая техника российского законодательства*, дис. канд. юрид. наук, Москва 2002.
- Шаблій 2009: О.А. Шаблій, *Стандарти якості у перекладі юридичних текстів*, в: О.І. Черданченко (под ред.), *Мовні і концептуальні картини світу*, Київ 2009, с. 295-298.
- Arntz 1995: R. Arntz, *Confrontare, valutare, trasporre: metodi e problemi della traduzione giuridica*, in: R. Arntz (под ред.): *La traduzione. Nuovi approcci tra teoria e pratica*. Bolzano 1995, с. 137-162.
- Burukina 2000: O. Burukina, *Legal Translation in Russia: Creating New Terminology*, 2000 <www.tradulex.org/Actes2000/burukina.pdf>.
- Busse 1992: D. Busse, *Recht als Text: linguistische Untersuchungen zur Arbeit mit Sprache in einer gesellschaftlichen Institution*, Tübingen 1992.
- Engberg 1997: J. Engberg, *Konventionen von Fachtextsorten: kontrastive Analysen zu deutschen und dänischen Gerichtsurteilen*, Tübingen 1997.

- Freidhof 1995: G. Freidhof, *Der Schauprozess als Exemplum forensischer Linguistik. Teil 1. Einführung und Typologie von charakteristischen Sprechhandlungen*, в: G. Freidhof, H. Kusse, F. Schindler (под ред.), *Slavische Sprachwissenschaft und Interdisziplinarität*, München 1995 (= *Specimina philologiae Slavicae*, 106), с. 7-36.
- Freidhof 1996: G. Freidhof, *Der Schauprozess als Exemplum forensischer Linguistik. Teil 2. Metakommunikation, Metadialog und Master Speech Act*, в: G. Freidhof, H. Kusse, F. Schindler (под ред.), *Slavische Sprachwissenschaft und Interdisziplinarität*, München 1996 (= *Specimina philologiae Slavicae*, 108), с. 95-131.
- Gazdošová, Myronova 2009: O. Gazdošová, H. Myronova, *Česko-ukrajinský právnický slovník*, Brno 2009 (= *Spisy Masarykovy univerzity v Brně, Filozofická fakulta*, Svazek 378).
- Leeuwen, 2005: T. van Leeuwen. *Three models of interdisciplinarity*, в: R. Wodak, P. Chilton (под ред.), *A new agenda in CDA*, Amsterdam 2005, с. 3-18.
- Luttermann 1999: K. Luttermann, *Übersetzen juristischer Texte als Arbeitsfeld der Rechtslinguistik*, в: G.-R. de Groot, R. Schulze, Reiner (под ред.), *Recht und Übersetzen*, Baden-Baden 1999, с. 47-57.
- Mattila 2006: H.E.S. Mattila, *Comparative legal linguistics*, Aldershot 2006.
- Pommer 2006: S. Pommer, *Rechtsübersetzung und Rechtsvergleichung: translato-logische Fragen zur Interdisziplinarität*, Frankfurt am Main 2006.
- Peotta 1998: L. Peotta, *Kontrastive Fachtextpragmatik: deutsche und italienische Gerichtsurteile im Vergleich*, Frankfurt am Main 1998.
- Scarpa, Riley 2000: F. Scarpa, A. Riley, *La fisionomia della sentenza in Inghilterra e in Italia: un'analisi orientata alla traduzione*, in *Traduttori e giuristi a confronto*, Bologna 2000, с. 227-291.
- Snel Trampus 1989: R. Snel Trampus, *La traduzione e i linguaggi giuridici olandese e italiano: aspetti e problemi*, Trieste 1989.
- Ondelli 2006: S. Ondelli, *Il Genere testuale della sentenza penale in Italia*, in: G. Benelli, G. Tonini (под ред.), *Studi in ricordo di Carmen Sanchez Montero* (том1), Trieste 2006, с. 296-309.
- Podlech 1976: A. Podlech, *Rechtslinguistik*, в: D. Grimm, (под ред.), *Rechtswissenschaft und Nachbarwissenschaften, II. Geschichte, Logik, Linguistik, Informatik, Friedensforschung, Finanzen, Didaktik*, München 1976, с. 105-116.
- Veronesi 2000: D. Veronesi (под ред.), *Linguistica giuridica italiana e tedesca. Rechtslinguistik des Deutschen und Italienischen*, Padova 2000.

Abstract

Liana Goletiani

Recent Developments in Legal Linguistics in Russia and Ukraine

The paper examines the development – in both Russia and Ukraine – of legal linguistics, which has become more widespread in both countries over the past 15 years. It includes today any areas – legal stylistics, forensic phonetics, legal translation, legal terminology, understanding the language of legislation, the history of legal language, speech in the courtroom etc. The author presents the various publications and the most influential schools of this interdisciplinary field of research. The main lines of development of linguistic approaches are discussed in relation to the needs of Russian and Ukrainian legislation and justice. Particular attention is paid to the problems not yet addressed in current literature.

Keywords

21th Century Applied Linguistics, Russian and Ukrainian Legal Language, Interdisciplinary Studies of Law and Language